

Умозрительное моделирование как методологический прием по выявлению принципов репрезентации мировоззренческих идей в иллюминации средневековой картографии

Елена В. Кревченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, danivice304@gmail.com*

Аннотация. Средневековая христианская картография исполняла широкий спектр функций. Карта мира служила историографическим и дидактическим инструментом, выполняла роль духовного путеводителя, мнемонической матрицы, наглядной энциклопедии, философской модели, средства медитативных практик, иллюстрации к тексту трактата, экзегетического и морализирующего произведения, транслятора нарративных, идеологических и педагогических идей. Для обработки широкого пласта информации, содержащейся в авторитетных вербальных источниках, средневековым картографом применялся прием руминации. А для создания карты необходимо было произвести предварительное умозрительное моделирование и решить возникшие в ходе этого задачи художественного воспроизведения полученной модели мира на изобразительной плоскости. Эксперимент в гуманитарных науках не является широко распространенным методом, но его применение может быть весьма результативным. В данной статье, следуя по пути средневекового картографа, при учете информации, содержащейся в ключевых вербальных источниках, была создана умозрительная модель мира, отвечающая основным мировоззренческим требованиям эпохи. В ходе произведенного эксперимента были выявлены основные репрезентативные принципы изображения мира и обозначились художественные приемы, с помощью которых эти принципы могли быть успешно применены на изобразительной плоскости.

Ключевые слова: христианская картография, методология, модель мира, визуализация мира, христианская историография, средневековые иллюминированные карты

Для цитирования: Кревченко Е.В. Умозрительное моделирование как методологический прием по выявлению принципов репрезентации мировоззренческих идей в иллюминации средневековой картографии // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 3. С. 112–130. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-3-112-130

Speculative modeling as a methodological technique for identifying the representation principles of worldview ideas in the medieval cartography illumination

Elena V. Krevchenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, danivice304@gmail.com*

Abstract. Medieval cartography had a wide functionality. The world map served as a historiographical and didactic tool, a spiritual guide, a mnemonic matrix, a visual encyclopedia, a philosophical model, a means of meditative practices, a manuscript illustration, an exegetical and moralizing text, a method for transmitting of narrative information, ideological and pedagogical concepts. To process a vast layer of data contained in authoritative verbal sources, the rumination method was used by a medieval cartographer. And to create the map itself, it was necessary to carry out preliminary speculative modeling and solve the tasks of the artistic reproduction of the world model on a two-dimensional picture plane. An experiment in the humanities, including art history, is not a widespread method, but its application, in that case, can be effective. Taking into account the information contained in main verbal sources and following the path of the medieval cartographer, a speculative world model meeting the basic medieval worldview requirements was created in the article. Following the experiment, the basic representational principles of the image of the world were successfully identified, as well as the artistic techniques with which those principles could be applied on the visual plane were determined.

Keywords: Christian cartography, methodology, world model, world visualization, Christian historiography, medieval illuminated maps

For citation: Krevchenko, E.V. (2020), "Speculative modeling as a methodological technique for identifying the representation principles of worldview ideas in the medieval cartography illumination", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 112–130, DOI: 10.28995/2073-6401-2020-3-112-130

Средневековая карта мира, так называемая *mapra mundi*, служила историографическим и дидактическим инструментом, выполняющая роль духовного путеводителя, средства медитативных практик, мнемонической матрицы, наглядной энциклопедии, схемы-иллюстрации к тексту трактата, нарративного, экзегетического и морализирующего произведения, а также визуального транслятора идеологических и педагогических идей.

Мировоззренческие представления эпохи, получившие отражение в ее картографии, имели ряд особенностей, для понимания которых следует рассмотреть источники их формирования. В наиболее общих чертах их можно разделить на труды античных авторов и средневековых. Средневековые испытывали два потока влияний: первый проистекал из Писания, апокрифов, жизнеописаний святых и христианских легенд, а вторым было переосмысление трудов античных авторов в переводах как европейских мыслителей, воспринимавших их в рамках христианского мировоззрения, так и арабских, переосмысливавших их с позиций исламской культуры.

Книги Ветхого и Нового Заветов заложили такие главные черты христианских представлений о мире, как провиденциализм, с идеей постоянного присутствия и участия Бога в жизни людей, креационизм – с идеей создания мира из изначального ничто, что расходилось с большинством античных представлений о возникновении мира из какого-либо первоначала, но перекликалось с идеей ключевой роли Логоса в процессе сотворения, а также эсхатологическая установка – с ожиданием неминуемого, заранее запланированного конца света.

Из Бытия черпали сведения о создании мира и человека (главы 1 и 2), о местонахождении Рая на востоке (Быт. 2:8), зарождении четырех основных рек из единого источника (Быт. 2:10) и географии их протекания (Быт. 2:11–14), о начале истории, первородном грехе и изгнании из Рая (Быт. 3:24), Великом Потопе (Быт. 7:6–24), Ноевом ковчеге (Быт. 6:13–22, 8:1–19) и сыновьях Ноя, ставших родоначальниками человеческих рас (Быт. 10:1–32), Вавилонской башне и происхождении языков (Быт. 11:1–9), родословных народов и их географическом расселении (Быт. 11:10–32), проклятии Содомы и Гоморры (Быт. 19:24–29), продаже Иосифа в рабство (Быт. 37:28, 36) и его жизни в Египте (Быт., гл. 39–41), переселении его отца и братьев (Быт. 45:25–28, 46:1–34, 47:1–12) и обещании, что Бог выведет их в земли обетованные (Быт. 50:24–25). Эти и другие события нашли отражение в образах, включавшихся в иллюминацию нового типа карт. То же и с событиями в книге Исход, повествовавшей о рождении Моисея (Исх. 2:1–10), исходе израильтян из Египта (Исх. 12:37–42) и проходе сквозь воды Красного моря (Исх. 14:1–30), явлении Господа на горе Синай (Исх. 19:16–24) и десяти заповедях (Исх. 20:1–26, 21:1–36, 22:1–31, 23:1–33), книге завета (Исх. 24:1–11) и скрижалях закона (Исх. 24:12–18).

Из прочих книг Ветхого Завета картографы также черпали географическую информацию. К примеру, в Книге Иисуса Навина указаны границы земли обетованной (Нав. 1:4) и место захоронения Иосифа (Нав. 24:32). Книги эти являлись источниками при

создании образов расположенных на картах объектов, ведь в них есть описания Иерусалима, Вавилона и их месторасположения, храма Соломона (3 Цар. 6:1-38) и прочих объектов, повести о различных землях, обитающих там народах и животных. В Ветхом Завете упоминается и знаковый для Средневековья Александр Македонский, кто не только покорил многие народы, но и «прошел до пределов земли» (1 Макк. 1:3). Его жизнь и походы составляли одну из ключевых повествовательных линий карт, сведения для которой черпались из так называемого «Романа об Александре».

Из Нового Завета извлекали сведения о жизненном пути Христа. И одним из важнейших источников для образного наполнения карт являлось Откровение Иоанна Богослова, содержавшее описание грядущего Апокалипсиса, схождение Небесного Иерусалима и его описание (Откр. 21:1–3, 21:10–27, 22:1–5). И самой важной была идея неизбежности Страшного Суда (Откр. 22:12–15).

Тексты Писания трудны для однозначного понимания, поэтому породили потребность в развитии жанра экзегезы. Их комментированием занимались многие мыслители, ставя в рамках процесса такие религиозно-философские проблемы, как понимание Троицы, соотношения веры и разума, свободы воли и Воскрешения во плоти. Сам мир, наряду с Писанием, воспринимался как одна из двух книг, данных человеку Богом, и понимался как некий текст, который можно истолковать с помощью тех же приемов, что и Библию [Воскобойников 2015, с. 148–149].

Распространены были и неканонизированные тексты: различные апокрифы и легенды, а также жизнеописания мучеников, где наиболее популярной была «Золотая легенда» Иакова Ворагинского (около 1260 г.). Рассуждения о природе вещей, этимологиях слов, составление энциклопедий и хронологий, сведение сумм наук показывают стремление к упорядочиванию мира, соучастию в процессе создания космоса из хаоса. Самыми знаменитыми были «О природе вещей» и «Этимологии» Исихора Севильского, «Зерцало великое» Винсента из Бове, «Великая Хроника» Матвея Парижского, «Хроника» Иеронима Стридонского, «Церковная история народа англов» Беды Достопочтенного. Важной задачей являлось установление параллелей между трудами языческих историков и священной историей, чем занимались Иероним Стридонский, Петр Коместор и другие.

Упомянутый «Роман об Александре» был сборником легенд о жизни и походах Македонского, который начал складываться в III в., дополняясь и переписываясь на протяжении почти всего Средневековья, став прототипом рыцарского романа. В X–XIII вв. был известен в трех рецензиях «Истории сражений Александра Великого» (*Die Historia de Preliis Alexandri Magni*, J1, J2, J3). При

его сложении шел обмен между латинской, еврейской и арабской литературными традициями [Горелов 2004, с. 19].

Александр, несмотря на то что был язычником, представлялся как идеальный правитель древности, направляемый Богом. Образ целеустремленного, не знающего поражений полководца, наряду с Орфеем и Гелиосом, мог повлиять на сложение иконографии Христа [Воскобойников 2015, с. 79]. История Александра была примером неустанного поиска, где важна не столько цель, сколько сам путь. Ведь, согласно легенде, Александр смог достигнуть даже врат Рая¹. В его странствиях видели прообраз миссионерских путешествий апостолов и пример поиска пути к Богу, который должна пройти страждущая душа. Ведь Александр не только дошел до пределов земли и посетил Иерусалим, о чем повествуют «Иудейские древности» Иосифа Флавия (Ἰουδαϊκὴ ἀρχαιολογία, 11, 8: 4–6), но и спустился в глубины морские и поднялся в небеса, откуда смог наблюдать землю в виде круга, вокруг которого извивалось похожее на дракона море [Горелов 2004, с. 163], что прямо соответствует экуменическим представлениям, нашедшим отражение на картах.

Полководец оказался связан с эсхатологической тематикой. Так, в 700 г. монах Петр перевел на латынь «Откровение Мефодия Патарского», где содержалась легенда о возведении Александром Каспийских врат, за которыми он смог заточить нечестивые народы Гога и Магога, которые, вырвавшись, станут предвестниками Апокалипсиса [Горелов 2004, с. 15]. История эта, хоть и была известна с VIII в., после включения ее в начале XIII в. в рецензию J3, приобрела, в сложившейся исторической ситуации, новый виток актуальности [Горелов 2004, с. 17–18]. Ведь в набегах татаро-монгольских племен средневековый европеец смог увидеть нашествие народов Тартара, страшных Магогов и предзнаменование грядущего Апокалипсиса.

Текст «Послания Александра Аристотелю о чудесах Индии» (Epistola Alexandri Magni ad Aristotelem), изобилующий описанием диких растений и животных, наряду с «Историей» Геродота и «Собранием достопамятных вещей» Солина, лег в основу популярных бестиариев, существа которых быстро заполнили географические пространства карт. В романе описаны и встречи Александра с невиданными народами. Это не только племена Гога и Магога, но и амазонки, кинокефалы, циклопы и прочие. Так история походов Александра нашла отражение на картах, и особенно в период их наивысшего расцвета, совпавший с пиком популярности романа.

¹ Zacher J. Alexandri Magni Iter ad Paradisum / Ed. by J. Zacher. Regimonti. Prussorum: T. Theile, 1859.

Из наследия античности наибольшее влияние на сложение мировоззренческих взглядов Средневековья оказывали философские рассуждения Платона и Аристотеля, географические труды Анаксимандра, Гекатея, Агриппы, Страбона, а также Кратета Малльского и Помпония Мелы, от которых берет начало зональная картография, с ее практикой разделения Земли на пять поясов, и идея существования антиподов, о которых ничего не известно, так как они отделены непроходимым жарким поясом. Из исторических наиболее популярными были труды Геродота, Плиния Старшего, Гая Салюстия Криспа, Лукана, Иосифа Флавия, снискавшего славу авторитета в историческом подтверждении событий Писания, таких, как казнь Иоанна Крестителя и Распятие Иисуса, описанных им в «Иудейских древностях»².

Многие идеи стоиков и неоплатоников были близки христианскому мышлению, получившему от них подпитку в период становления. У стоиков это взгляды на космополитизм, равенство людей перед лицом мирового закона, предопределенность событий, стремление к простоте, покорности трудностям и согласию со всеобщим разумом. Среди идей неоплатонизма – это представления о Едином запредельном первоначале, Мировой душе, понимание мира как эманации Единого, а материи и тела как темницы бессмертной души, цель которой восхождение к первоначальному источнику. Из трудов стоиков был популярен дневник Марка Аврелия «Размышления», посвященный вопросам морали и достижения бесстрастия через согласие разума с природой всеобщего разума. Из неоплатоников – «Комментарий на Сон Сципиона» Макробия, где автор излагает пифагорейскую теорию чисел и законов музыки и сопоставляет строение Мировой души и космоса с музыкальными интервалами.

Определенное влияние на сложение западноевропейского мировоззрения шло и со стороны востока. Через арабов Западная Европа получила множество переводов и комментариев греческих и римских трудов, произведения по философии, математике, астрономии, медицине, прочим наукам. В процессе усвоения этого информационного пласта оказалось, что некоторые идеи арабских философов близки европейскому мышлению.

Так, Ибн Сина утверждал сочность мира Творцу, различал два вида сущего: возможное и абсолютно необходимое. Аль-Фараби рассуждал о пустоте, толковал Евклида, наряду с Аль-Хорезми,

² *Иосиф Флавий*. Иудейские древности / Пер. Г.Г. Генкель; Подгот. текста, предисл. и примеч Г.И. Довгяло, К.А. Ревяко, В.А. Федосик. Минск: Беларусь, 1994.

был одним из переводчиков Птолемея, через которых «Альмагест» попал в IX в. в средневековую Европу, принеся геоцентрическую систему мира, заложенную еще Гиппархом, Евдоксом Книдским и Аполлонием Пергским и доработанную Птолемеем. Геоцентрическая система была принята церковью, из-за чего утвердилась в Европе до XVI в., пока Коперник не выдвинул гелиоцентрическую, породив и научно обосновав идеи движения Земли, зародившиеся еще у Филолая, Гераклида Понтийского, Архимеда и Аристарха Самосского, но почти забытые или утраченные во времена Средневековья. Ибн Баджа, чьи труды оказали влияние на Аверроэса и Маймонида, а в Западной Европе на Альберта Великого и Галилея [Moody 1951], пытался отождествить разум человека со всемирным, а труды Ибн Рушда положили начало европейскому аверроизму, чьи сторонники разработали концепцию двойной истины: независимости истин разума и веры. Труды Аль-Кинди, переведенные Иоанном Севильским и оказавшие влияние на Роберта Гроссетеста, Роджера Бэкона, а позднее на Джероламо Кардано, утверждали в качестве неизменного вневременного начала материю, которая не может быть постигнута разумом.

Определенное влияние шло и от еврейских мыслителей. Так, Галеви в «Кузари» обосновывает утверждение, что одним лишь разумом невозможно постичь Волю Бога. А Маймонид в «Путеводителе заблудших» пытался обосновать еврейскую веру с точек зрения рационализма Аристотеля и философских систем ислама. Этот труд породил множество толкований и оказал влияние на Альберта Великого, Дунса Скота и Фому Аквинского, продемонстрировав действенные приемы обоснования веры с различных точек зрения.

На сложение принципов отражения мира и иконографии располагаемых на картах образов оказали влияние тексты Орозия, Исидора Севильского, Матфея Парижского, Беата Лиебанского, Ламберта Сен-Омерского, Гуго Сен-Викторского, Гонория Августодунского, Гервасия Тильберийского, Ранульфа Хигдена, Альберта Великого, Винсента из Бове, а также автора популярных в XIV в. «Приключений Сэра Джона Мандевиля», описавшего путешествие в мифическое царство пресвитера Иоанна. Об этом царстве в XII в. писал в хронике «О двух государствах» (*Chronica sive Historia de duabus civitatibus*) еще Оттон Фрейзингский. Вера в существование могущего христианского государства сохранялась до времен Великих географических открытий, получив отражение и в картографии, что можно наблюдать даже на карте Меркатора, созданной в конце XVI в. (*Abissinorum sive pretiosi Ioannis Imperium map*, 1595. *Mercator's Atlas Minor*. Hondius and Janszoon, 1607).

Гуго Сен-Викторский представлял мир, развивающимся с востока на запад сквозь Иерусалим, знаменующий начало конца, от-

крытия последнего откровения, являющегося конечной целью исторического прогресса [Scafi 2013, p. 60]. Гуго считал, что господство над миром и культурное превосходство изначально принадлежало востоку, но, по мере приближения мира к концу, перемещается на запад. Несмотря на первородный грех, каждый человек хранит в себе память о Боге, призванную служить ориентиром на пути к спасению. Эти представления напоминают платоновскую теорию анамнеза: о достижении знания путем припоминания душой общих идей, в мире которых она находилась до воплощения в тело.

Чтобы припомнить скрытое в глубинах сознания знание о Боге, человек должен развивать память. Для тренировки Гуго предлагал разные упражнения, где в качестве мнемонических матриц применялись и элементы карт [Лиманская 2011, с. 28]. Так, выстраивая в уме карту мира и умственно наполняя ее, человек создавал сложную информационную матрицу, в процессе припоминания которой с помощью ассоциативных параллелей мог вскрывать цепочки закодированных данных, что являлось эффективной практикой усвоения большого объема разноплановой информации. Идеальная модель мира представлялась четырехмерной, поскольку Гуго считал, что Божественный План еще не реализован, продолжая разворачиваться во времени и пространстве. Такая космологическая модель мира, в виде первопричинного замысла Творца, непрерывно расширяющегося в неразрывно связанных пространстве и времени, напоминает современную теорию Большого Взрыва [Scafi 2013, p. 60].

Таким образом, карта являлась инструментом визуального отображения сумм знаний, аккумулированных в многогранную модель. Для обработки широкого пласта информации, содержащейся в вербальных источниках, картограф применял прием руминации, помогавший определить принципы отбора и тематической компоновки данных. А для создания самой карты необходимо было предварительно произвести умозрительное моделирование с учетом специфики отобранных данных и решить задачи художественного воспроизведения модели на изобразительной плоскости.

Эксперимент в гуманитарных науках является не слишком пространственным методом, но в данном случае может быть результативным. Попробуем, собрав воедино рассмотренную информацию и следуя пути средневекового картографа, умозрительно выстроить модель мира, которая отвечала бы требованиям эпохи, и определить, с помощью каких художественных приемов можно воссоздать ее на изобразительной плоскости.

Для начала следует учесть, что выстроенный мир не должен оставаться статичным. Ведь сотворенный Богом из первоначально ничто, он был создан не для того, чтобы неподвижно покоиться. По словам Исидора, мир и назван миром потому, что непрерывно

движется, меняется, и ни одной из его частей не дано оставаться в покое (*Etymologiae*, III, 29)³. К тому же мир был создан исходя из телеологического принципа: реализации творческой воли Бога, выраженной в Его Плане относительно самого мира и человека в нем. Потому в средневековом сознании уподоблялся арене вселенского театра, разыгрывавшего акты процесса священной истории, происходящего в условиях дуализма: непрерывного противостояния Небес и Земли, Добра и Зла. Исходя из данных идей, строение мира мыслилось по принципу вертикально направленной оси этого противостояния [Воскобойников 2015, с. 294].

Мир ограничен в пространстве, а его бытие – во времени. Поэтому у него есть две основные константы. Первая – это пространство, образованное некой плоскостью, на которой свершается священная история. Глубина пространства вверх задается мировой вертикалью. А так как мир земной создан по аналогии с небесным, то эта вертикаль, верхняя часть которой является небесным и добрым началом, должна располагать мир небесный или верхнюю плоскость, расположенную параллельно нижней, земной. Вертикаль проходит осью через центр Земли, расположенный в Иерусалиме, ведь сказано в Писании: «Так говорит Господь Бог: это Иерусалим! Я поставил его среди народов, и вокруг него – земли» (Иез. 5:5). Таким образом, мировая ось представляется как *arbor mundi*, мировое древо, проросшее корнями из земной плоскости и устремившееся кроной вверх, достигая плоскости небес, соединив через центр мира Иерусалим земной и небесный. В земном был распят Христос, даровавший своей смертью надежду на спасение людям. Так как эта надежда есть путь на небеса, то распятие представлялось в качестве символа надежды и истинной вечной жизни. Идея эта отразилась в образе процветшего креста, понимавшегося как древо жизни, *arbor vitae*, что отразилось, к примеру, на мозаике XII в. в конхе аспиды базилики Сан-Клементе [Воскобойников 2015, с. 128] или странице манускрипта XIII в. (Isidore, Stephen of Salley, Harley 5234, f. 5 *Arbor Vitae Crucifixion*, 13th century, The British Library, England).

Итак, модель пространства выстроена в виде двух параллельных плоскостей, земной и небесной, соединенных сквозь центр мира при помощи мировой оси. Исходя из идеи, что нижняя из них является материальным отражением идеальной верхней, данные плоскости должны быть визуально идентичными. Так как Земля дана людям Богом в качестве одной из книг для познания Его высшего Плана, то нужно понять, что она из себя представляет.

³ Isidori Hispalensis, *Etymologiae* // *Opera Omnia* / rec. F. Arevalo. Tomus III. *Etymologiarum Libri X. Priores*. Roma: Tupis Antonii Fulconii, 1798. p. 145.

Земная плоскость представлялась в виде диска, сферы или окружности, что поддерживалось большинством авторов. В раннем Средневековье встречались и идеи прямоугольного мира, нашедшие отражение у Козьмы Индикоплова, византийского путешественника и автора «Христианской топографии» VI века. Козьма буквально воспринял фразу Иоанна Богослова: «И после сего видел я четырех Ангелов, стоящих на четырех углах земли, держащих четыре ветра земли, чтобы не дул ветер ни на землю, ни на море, ни на какое дерево» (Откр. 7:1). Но космология Козьмы, получив распространение у несториан Сирии, а затем в православном мире, в латинской Европе осталась почти невостребованной [Чекин 1999, с. 79]. В связи с этим стоит упомянуть Солийскую карту XII в. (The Sawley Map, *Imago Mundi* by Honorius Augustodunensis, с. 1110, Corpus Christi College, Cambridge, MS 66, pt. 1), на которой, иллюстрируя ту же строку Откровения, изображены четыре ангела по четырем сторонам света. Тем не менее форма Земли является округлой. Но известны и карты четырехугольного типа, особенно среди ранних, например Англосаксонская XI в. (Anglo-Saxon *Mappa Mundi*, Cotton manuscript collection, Cotton MS Tiberius BV, between 1025 and 1050, The British Library, England). Четырехугольность мира на карте, однако, не обязательно предполагала, что картограф мыслил мир четырехугольным, так как карта являлась лишь иллюстрацией определенных идей. А потому форму Земли могли толковать и иными способами. Так, карта мира Матфея Парижского (Matthew Paris' world map, *Cronica Majora*, с. 1250, Corpus Christi College, Cambridge, MS. 26, р. 284.) отражает Землю в форме, близкой к треугольнику, так как Матфей представлял стремящийся к Апокалипсису мир в образе монашеской хламиды [Лиманская 2011, с. 31].

Таким образом, форма Земли не была обусловлена жестким каноном, но зависела от мировоззренческих взглядов или визуализационных задач картографа, которые имели право на любое представление, если оно подкреплялось авторитетными текстами.

Какую бы форму на карте ни имела Земля, она окружалась мировым океаном, что соответствовало экуменическим представлениям. Образ ойкумены, зародившийся в Древнем мире, был близок средневековым представлениям о том, что Бог, сотворяя сушу, отделил ее от воды. Отсюда логично было представить Землю как бы плавающей посреди этой воды. Хотя в Бытии и не сказано, что вода должна сушу окружать, и лишь, что она собралась в моря (Быт. 1:9–10). Но подобные представления являются типичными для различных культур древности, в которых сотворенный богом или богами мир представлялся каким-либо образом выделенным из вод предвечного океана. Иконологически сыграл, очевидно,

некоторую роль в сложении христианских экуменических представлений и образ Ковчега, причалившего к вершине горы Арарат посреди бескрайних вод Потопа (Быт. 8:4–5).

При изобразительном построении модели важно учесть, что в Средние века еще не было комфортной для современного глаза линейной перспективы, разработанной во времена Ренессанса. Средневековое искусство отображало пространство сходным с искусством Древнего мира образом. Более важные предметы изображались крупнее, чем менее важные, а расстояния между объектами были не так значимы, как сами объекты. Они могли быть разнонаправленными относительно точки зрения зрителя и фасно-профильными, что передавало не выхваченный в конкретный момент времени объект, а совокупное представление о нем, имеющее длительность во времени, в течение которой объект наблюдался с разных ракурсов. Верхняя и нижняя плоскости земного и небесного миров могли поэтому в какой-то степени накладываться друг на друга, либо небесный мог изображаться в верхней части карты. Примечательно, что разнонаправленность объектов на карте напоминала рисунок небесных созвездий, подчеркивая этим зеркальный принцип связи миров.

Вторая мировая константа, время, также сотворено Богом и является мерой движения и изменения мира. Наличие времени необходимо, чтобы события священной истории имели возможность происходить и Божественный План, таким образом, реализовываться, без чего сотворение мира не имело бы смысла.

Представления о времени у средневекового человека также отличались от современных. Они еще не отражали идею линейного времени, которая обозначится лишь во времена Возрождения, но уже и значительно отличались от представлений о цикличном времени Античности. Последняя мыслила историю как процесс регресса от Золотого века до конца деградирующего мира с целью рождения нового. В Средние века цикличность времени мыслилась как неизбежное возвращение событий к первоначальным истокам, но представлялась уже как процесс прогресса человечества с целью достижения такой точки духовного развития, которая позволила бы осуществить возвращение к Богу. Идея же Страшного Суда была призвана отделить достойных этого возвращения от недостойных. И если первые заслуживали спасения и последующего блаженного существования, то вторым предназначалась окончательная гибель, так называемая вторая смерть (Откр. 21:6-8). Так, в отличие от однозначности единой для всего мира судьбы в момент античного конца света, христианский конец уже предполагал два различных варианта для тех, кто стремился к Богу и тех, кто продолжал духовную деградацию.

Конструктивно размышлял о времени Августин, чьи воззрения изложены в «Исповеди» (*Confessiones*, XI, 14–28)⁴, где в поддержку эсхатологической установки философ доказывает, что нет вечного времени, ведь если бы время пребывало вечно, как Бог, то оно уже не было бы временем. Следовательно, время сотворено Богом одновременно с творением мира. Рассуждая о том, что вообще представляет собой время, Августин пишет: «...если бы ничто не проходило, не было бы прошлого времени; если бы ничто не приходило, не было бы будущего времени; если бы ничего не было, не было бы и настоящего времени» (XI, 14:17)⁵. Размышляя о прошлом и будущем, он отмечает, что, если бы настоящее не уходило в прошлое, оно было бы вечностью. Значит, время существует потому, что стремится исчезнуть. Рассуждая о продолжительности времени, Августин стремится выяснить, что есть настоящее, и приходит к выводу, что им может быть лишь краткий неделимый момент перехода будущего в прошлое, у которого отсутствует мера длительности.

А существуют ли вообще будущее и прошлое? И если да, то где? Задавшись этими вопросами, он приходит к концепции психологического времени: «В тебе, душа моя, я измеряю время» (XI, 27:36)⁶. Прошлого и будущего нет нигде, кроме как в восприятии, так как они существуют в мышлении, происходящем в настоящий момент. Прошлое обуславливается памятью, будущее – ожиданиями, а настоящее есть момент созерцания. Все это перекликается с мыслями Марка Аврелия, отмечавшего, что настоящее лишь мгновение, а минувшего и грядущего вовсе нет (*Tà εἰς αὐτόν*, 2:14)⁷. Подобные идеи излагал еще Парменид, отмечая, что сущего не было и не будет, так как оно есть сейчас, единое, непрерывное, происходящее все вместе, одновременно (*ἀλθεία*, В 8.5–11)⁸. Тех же идей в современном мире придерживался Кант, отмечавший, что различные времена лишь части одного и того же времени [Кант 1994, с. 55], которое вне субъекта есть ничто⁹, поскольку мы не можем созерцать время вне нас¹⁰.

⁴ *Августин*. Исповедь / Пер. М.Е. Сергеев; Под ред. Н.Н. Казанского. СПб.: Наука, 2013. С. 182–194.

⁵ Там же. С. 183.

⁶ Там же. С. 192.

⁷ *Марк Аврелий*. Размышления // Литературные памятники / Отв. ред. А.И. Доватур; Пер. А.К. Гаврилов. Л.: Наука, 1985. С. 11.

⁸ *Парменид*. О природе // Фрагменты ранних греческих философов / Под ред. И.Д. Рожанского. Ч. 1. М.: Наука, 1989. С. 290.

⁹ *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. Н. Лосский, Под ред. Ц.Г. Арзаканян, М.И. Иткина. М.: Мысль, 1994. С. 57.

¹⁰ Там же. С. 50.

Августин отрицает зависимость времени от движения солнца, луны и звезд, ведь даже если бы они остановились, время все равно существовало бы, демонстрируя движение в мире других вещей. В подтверждение он приводит в пример эпизод из Библии, когда Иисус Навин остановил солнце в битве при Гаваоне, и, пока оно стояло, битва продолжалась (Нав. 10:12–13). Но существование времени, отмечает Августин, вовсе не зависит от движения каких-либо вещей.

Исходя из того, что прошлого и будущего нет, а в настоящем нет длительности, он задается вопросом, можно ли вообще измерять время, и приходит к выводу, что длительность времени существует лишь в нашей памяти: лишь только в ней ее можно измерить. Так становится понятной ключевая роль памяти в существовании мира. Ведь не было бы памяти, не было бы и времени, а не было бы времени, не было бы никакого движения, а не было бы движения, не было бы и мира, поскольку, не двигаясь и не изменяясь, он бы перестал быть существующим миром, вернувшись в состояние вечности.

Гуго Сент-Викторский, объясняя в «Дидаскалионе» различия между надлунным и подлунным миром, отмечает, что высший мир называется Время, потому что в нем расположены движущиеся звезды. Нижний мир, являясь внутренним по отношению к высшему, называется Временным, не только потому, что он преходящий, но и потому, что движется в соответствии с движением звезд высшего мира, совершая движение во времени (Didascalicon, I, 7)¹¹. И лишь самодостаточная Божественная Мудрость, которая не содержит ничего неполного, включает одновременно прошлое, настоящее и будущее (Didascalicon, II, 1)¹².

Исходя из данных взглядов, любая достоверная модель мира, включая и карту, должна быть четырехмерной, то есть содержать временную константу, без которой мир не мог существовать. Но как изобразить время на плоскости, ведь карта представляет двухмерный объект? Единственный выход: изобразить историю как процесс, имеющий определенную длительность во времени и способный дать зрителю представление о времени, став его иллюстрацией.

Для христианского мировоззрения есть только одна история — священная, прошлое которой описано в книгах Ветхого и Нового Завета, а о будущем повествует Откровение Иоанна Богослова. Таким образом, можно изобразить на карте прошлое в виде образов, иллюстрирующих прошедшие события священной истории,

¹¹ *Hugh of Saint Victor. Didascalicon* / Transl. by J. Taylor. New York and London: Columbia University Press, 1961. P. 54.

¹² *Ibid.* P. 61.

а будущее – в виде образов, повествующих об Апокалипсисе и Страшном Суде. Помочь же привести мир в движение сможет прием разнонаправленности изображений помещенных на карту объектов, которые начнут центробежно разворачиваться из центра мира, куда изначально помещен взгляд зрителя. Сам момент созерцания карты зрителем включит в модель мира настоящее время, ведь настоящий момент, по Августину, и есть момент созерцания. События прошлого через находящегося в настоящем зрителя начнут двигаться к событиям будущего, а сам зритель, как замыкающий модель элемент, станет, подобно Богу, не только творцом времени для данной модели, но и творцом движения вещей, а значит, самого мира, став символическим соучастником свершения Божественного Плана.

Приступая к переносу модели мира на плоскость карты, необходимо учесть, что мир представлялся антропоморфным, мыслясь как тело Адама или Христа. Идею антропоморфности мира развивали многие христианские мыслители. Поддерживал ее и Исидор, писавший в трактате «О природе вещей» (*De natura rerum*, VIII, 1–3), что мир символизирует человека, так как был создан из четырех элементов, подобно тому как человек состоит из четырех жидкостей. Мир и человек представляют макрокосм и микрокосм, неразрывно связанные друг с другом¹³. Данную идею Исидор почерпнул у греков, на которых он ссылается, говоря, что древние видели связь между человеком и миром, что выразилось в том, что мир на греческом обозначался «космос», а человек – «микрос космос», то есть меньший мир.

Также существовала легенда, что Бог создал человека, взяв прах со всех сторон света, а имя Адам является аббревиатурой греческих названий этих сторон: Анатоле (Восток), Дюсис (Запад), Арктос (Север), Мэсэмбриа (Юг). Ее можно встретить во Второй книге Еноха (2 Енох 30:13) и в Третьей книге Оракулов Сивилл (3:24–7). Соотнесение имени Адам со сторонами света могло отражать и представления о пространности его тела, сопоставимого с размерами Земли [Орлов 2011, с. 49]. Соотнесение имени Адам со сторонами света и основными элементами можно встретить на многих средневековых схемах, к примеру, диаграмме Бирхтферта (*Byrhtferth's Diagram*, c. 1102–1110 Oxford St. John College, MS 17, f. 7v, England).

Восток, будучи начальной буквой аббревиатуры, символизирует начало истории человека, ведущего свой род от этого обще-

¹³ *Isidor i Hispalensis. De Natura Rerum* / rec. G. Becker. Berolini: Weidmanni Sumptus Fecerunt, 1857. P. 21–22.

го предка. Поэтому Рай, как начало истории, должен располагаться на востоке, что обусловлено и текстами Бытия (Быт. 2:8; 3:24). На западе же, где солнце исчезает каждый вечер, должен располагаться загробный мир, где подвергаются казни грешники. Другое мнение располагало Ад на севере, среди земель невероятного холода. Ад на севере располагал теолог XIII в. Бонавентура, что описано в его толкованиях на книгу Екклесиаста.

Обе традиции, западная и северная, берут начало из апокрифа «Апокалипсис апостола Павла», где описываются видения апостолом Рая и Ада [Кревченко 2019, с. 75]. Так, на севере Павел увидел место казни людей, в которое стекала огненная река (Apocalypse of Paul, 32), а на юго-западе вечного мороза, где грешники, среди копошащихся червей, скрежещут от холода зубами (Apocalypse of Paul, 42). Текст апокрифа [Gardiner 1989], с описанием сложно-структурированных Рая и Ада, оказал влияние на их представление многими авторами, вплоть до Данте [Elliott 1998, p. 309].

Мир, по Исидору, имеет подъем в северной части и наклон в южной, о чем указано в «Этимологиях» (Etymologiae, III, 30)¹⁴ и трактате «О природе вещей» (De natura rerum, VIII, 1-3)¹⁵. Голова мира и его «лицо» находятся на востоке, а задняя часть, самая дальняя, на севере. Исходя из такого расположения лицевой и задней части мира, то есть его начала и конца, можно увидеть, что он мыслится Исидором замкнутым в кольцо, отражая идеи мировой цикличности [Кревченко 2019, с. 75]. Идея кругового устройства мира освещалась Исидором не только в тексте трактатов, но и на схемах к ним. Так, на схемах к трактату «О природе вещей» изображен круг мира, связывающий макрокосм и микрокосм, а также четыре элемента, четыре гумора и четыре времени года. Располагая «лицо» мира на востоке, Исидор подчеркивает и идею антропоморфности. Так, голова и лицо мира представляются головой и лицом Адама или Иисуса, поэтому на многих картах можно увидеть лик Христа, расположенный на востоке. Иконография Спаса в таком случае визуально подчеркивала, что Христос есть Альфа и Омега, начало и конец мира.

Изображение четырех элементов, из которых создан мир, также было важным в построении его модели, но тут возникала сложность. Ведь можно нарисовать землю в виде суши, воду в виде морей и даже изобразить огонь в виде языков пламени где-нибудь на

¹⁴ Isidori Hispalensis. Etymologiae // Opera Omnia / rec. F. Arevalo. Tomus III. Etymologiarum Libli X. Priores. Roma: Tupis Antonii Fulconii, 1798. P. 145.

¹⁵ Isidori Hispalensis. De Natura Rerum... P. 21–22.

поверхности суши. Но как изобразить воздух? На помощь пришел Исидор и его Роза ветров, отчасти перенятая из «Метеорологии» Аристотеля [Уколова 1985, с. 129]. Роза Исидора не только воспроизводилась картографами, располагавшими ветра на картах, но и послужила прообразом Розы готического собора¹⁶, ведь храм также представляет модель мира.

Так как мир представлялся конечным во времени и в пространстве, то и модель его необходимо как-то ограничить. Ограниченность в пространстве отчасти задавалась физической ограниченностью носителя карты: листа пергамента, на котором она изображена, что влияло на ее восприятие зрителем. Ограничить же мир на самой карте помогало кольцо мирового океана и такие объекты, как Рай, являющийся крайней точкой на востоке, и Геркулевы столбы на западе. Весь мир мог быть также заключен в объятия Христа, как на Эбсторфской карте (Ebstorf World Map, Gervase of Tilbury?, с. 1234, digital reconstruction, original is lost in 1943). А ограничить его во времени могли апокалиптические образы и изображение Страшного Суда, как на Херефордской карте (Hereford Mappa Mundi, Richard of Haldingham and Lafford, с. 1300, Hereford Cathedral, England).

Модель мира должна отражать и его деление на три части, что соответствовало послеопотопному разделению Земли между тремя сыновьями Ноя, или на четыре, если важно было отразить существование Континента Антиподов.

При учете всех этих моментов картограф мог приступать к созданию карты. Широкий объем информации предполагал, что созданием карт мог заниматься лишь человек образованный. При этом, создавая модель мира, картограф отчасти уподоблялся Творцу, отчего процесс представлялся сакральным действием, предполагая, что заниматься им может лишь священнослужитель. Благодаря таким высоким запросам созданием карты могли заниматься только монахи в монастырях, где было святое место и находились люди, сочетавшие необходимую грамотность и духовность. Так, среди известных картографов, Беат Лиебанский был монахом монастыря Святого Мартина Турского, а Матфей Парижский — Сент-Олбанского монастыря в Хартфордшире.

Итак, в ходе анализа источников выяснилось, что картография была одним из средств визуального отражения сумм знаний, аккумулированных в многогранную модель мира, находящегося в акте

¹⁶ *Fontaine J.* Traité de la Nature, suivi de l'Épître en vers du roi Sisebut à Isidore / édition critique, traduction annotée et introduction par Jacques Fontaine. Bordeaux: Féret et fils, 1960. P. 296.

процесса свершения священной истории. Карта представлялась универсальным нарративно-дидактическим инструментом, удобным для наглядной реализации и демонстрации широкого спектра идей.

В ходе произведенного эксперимента была выстроена умозрительная модель, что позволило выявить основные репрезентативные принципы изображения мира и его истории и обозначить художественные приемы, с помощью которых эти принципы могли быть перенесены на изобразительную плоскость.

К данным принципам относятся: 1) принцип движения, то есть необходимость подвижности изображаемого мира исходя из определения его как находящегося в непрерывном движении; 2) телеологический принцип, диктовавший изображение мира как арены театра священной истории, где нашла реализацию творческая воля Бога; 3) принцип дуализма: строение мира как вертикальной оси противостояния Небес и Земли, Добра и Зла; 4) принцип зеркала, представлявший земной мир отражением небесного, связанный через Иерусалим, изображаемый и земным, и небесным; 5) экуменический принцип, по которому, вне зависимости от формы, Земля изображалась окруженной мировым океаном; 6) пространственно-временной связи, диктовавший изображение как пространственной, так и временной константы; 7) ограниченности в пространстве и времени: ограниченность в пространстве отвечала экуменической идее и идее сотворения Богом одного единственного мира, а во времени эсхатологической установкой; 8) принцип высокой информационной наполненности, учитывавший роль памяти в существовании мира, следовавшей из воззрений Августина, и в спасении души, исходящей из идей Гуго; 9) антропоморфизма, по которому мир представлялся телом Адама или Христа; 10) восточной ориентации, сохранявшийся вплоть до позднего периода и протекавший из представлений, что Восток – начало истории и имени Адам, а также соответствующий текстам Писания; 11) мировой цикличности: пространственная обуславливалась взаимосвязью микро- и макрокосмоса, а временная – особенностями представлений о времени и идеей связи событий двух Заветов; 12) четырехсоставности мира с необходимостью изображения основных элементов; 13) трех-частности, обусловленной представлениями о мире разделении между сыновьями Ноя, или четырех-частности, если нужно было отразить существование Антиподов; 14) мирового центра в Иерусалиме, продиктованный идеями христологического центра, текстами Писания, ключевой ролью города в священной истории и идеологическим контекстом Крестовых походов; 15) христоцентрический принцип, по которому мир представлял-

ся телом Христа, а Христос – причиной и сутью мировой истории, ключевой фигурой периодизации, целью этой истории и жизни каждого человека в мире; 16) принцип включенности зрителя, под-разумевавший, что он является творцом времени для модели мира и соучастником Божественного Плана.

Необходимость визуализации этих принципов ставила перед средневековыми картографами определенные художественные задачи, которые не только были успешно разрешены, но и повлияли на дальнейшее развитие западноевропейского искусства в целом.

Литература

- Воскобойников 2015 – *Воскобойников О.С.* Тысячелетнее царство (300–1300): Очерк христианской культуры Запада. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Горелов 2004 – *Горелов Н.* Повесть о рождении и победах Александра Великого / Пер., ст. и ком. Н. Горелов. СПб.: Азбука-классика, 2004.
- Кревченко 2019 – *Кревченко Е.В.* Репрезентация истории в иллюминированной картографии XIII–XIV вв. // Археология и художественное видение: Исторические контексты / Под ред. Л.Ю. Лиманской. М.: РГГУ, 2019. С. 69–86.
- Лиманская 2011 – *Лиманская Л.Ю.* Визуализация духовных странствий в хрониках и путеводителях XII–XIII вв. // Культура и искусство. 2011. № 1. С. 27–31.
- Орлов 2011 – *Орлов А.А.* Потаенные книги: иудейская мистика в славянских апокрифах. М.: Мосты культуры / Гешарим, 2011.
- Уколова 1985 – *Уколова В.И.* Исидор Севильский и его сочинение «О природе вещей» // Социально-политическое развитие стран Пиренейского полуострова при феодализме. М.: Ин-т всеобщей истории, 1985. С. 111–135.
- Чекин 1999 – *Чекин Л.С.* Картография христианского средневековья. VIII–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М.: Восточная литература, 1999.
- Elliott 1998 – *Elliott J.K.* Reviewed Work: Apocalypse of Paul. A New Critical Edition of Three Long Latin Versions by T. Silverstein, A. Hilhorst // The Journal of Theological Studies. New Series. Vol. 49. No. 1. Oxford: Oxford University Press, April 1998. P. 309–313.
- Moody 1951 – *Moody E.A.* Galileo and Avempace: The Dynamics of the Leaning Tower Experiment // Journal of the History of Ideas. No. 12 (2). Philadelphia: University of Pennsylvania Press, April 1951. P. 163–193.
- Scafi 2013 – *Scafi A.* Maps of Paradise. London: British Library, 2013.

References

- Chekin, L.S. (1999), *Kartografiya khristianskogo srednevekov'ya. VIII–XIII vv.: Teksty, perevod, kommentarii* [Cartography of the Christian Middle Ages. 8th–13th centuries. Texts, translation, commentary], Vostochnaya Literatura, Moscow, Russia.

- Elliott, J.K. (1998), "Reviewed Work: Apocalypse of Paul. A New Critical Edition of Three Long Latin Versions by T. Silverstein, A. Hilhorst", *The Journal of Theological Studies. New Series*, V. 49, No. 1, Oxford University Press, Oxford, England, pp. 309–313.
- Gardiner, E. (1989), *Saint Paul's Apocalypse*, In: *Visions of Heaven and Hell Before Dante*, transl. by Eileen Gardiner, Italica Press, New York, USA, pp. 13–46.
- Gorelov, N. (2004), *Povest o rozhdenii i pobedakh Aleksandra Velikogo* [The story of the birth and victories of Alexander the Great], transl. by N. Gorelov, Azbuka-klassika, Saint Petersburg, Russia.
- Krevchenko, E.V. (2019), "Representation of history in the illuminated cartography of the 13th–14th centuries", *Arkheologiya i khudozhestvennoe videnie: Istoricheskie konteksty* [Archeology and artistic vision. Historical contexts], ed. by L.Yu. Limanskaya, RGGU, Moscow, Russia, pp. 69–86.
- Limanskaya, L.Yu. (2011), "Visualization of spiritual wanderings in chronicles and guides of the 12th–13th centuries", *Kultura i iskusstvo* [Culture and art], NB-Media, Moscow, Russia, iss. 1, pp. 27–31.
- Moody, E.A. (1951), "Galileo and Avempace: The Dynamics of the Leaning Tower Experiment", *Journal of the History of Ideas*, no. 12 (2), pp. 163–193.
- Orlov, A.A. (2011), *Potaennye knigi: iudeiskaya mistika v slavyanskikh apokrifakh* [Concealed books. Jewish mysticism in Slavic apocrypha], Mosty kultury / Geshtarim, Moscow, Russia.
- Scafi, A. (2013), *Maps of Paradise*, British Library, London, England.
- Ukolova, V.I. (1985), "Isidore of Seville and his work 'On the nature of things'", *Sotsialno-politicheskoe razvitie stran Pireneiskogo poluoostrova pri feodalizme* [Sociopolitical development of Iberian Peninsula countries under feudalism], Institut vseobshchei istorii, Moscow, Russia. pp. 111–135.
- Voskoboinikov, O.S. (2015), *Tysyacheletnee tsarstvo (300–1300). Ocherk khristianskoi kultury Zapada* [Millennial kingdom (300–1300). Essay on the Christian culture of the West], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена В. Кревченко, магистр, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; danivice304@gmail.com

Information about the author

Elena V. Krevchenko, master, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; danivice304@gmail.com